

# КУЛЬТУРОЛОГИЯ



**В. П. Океанский**

Доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии (ВАК), доктор философских наук (МАС), заведующий кафедрой культурологии и литературы, научный руководитель Центра кризисологических исследований Шуйского филиала ФГБОУ ВПО «ИвГУ», профессор-консультант Ивановского филиала НОУ ВПО «Институт управления»



**Ж. Л. Океанская**

Доктор культурологии, профессор по кафедре культурологии и литературы (ВАК); профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВПО «ИГХТУ», профессор кафедры культурологии и литературы Шуйского филиала ФГБОУ ВПО «ИвГУ», доцент кафедры гуманитарных дисциплин Ивановского института ГПС МЧС России

## **Дивность Православия: святой адмирал, догматика культуры, богоподобная тварь**

*Материал содержит фундаментальные культурологические положения из наследия ведущих отечественных богословов конца Нового времени; их проблематика символически сопрягается с деятельностью главного русского флотоводца, причисленного к лику святых*

*Ключевые слова: символические фигуры, культура, цивилизация, адмирал Федор Ушаков, протоиерей Сергей Булгаков, архимандрит Киприан Керн, святитель Григорий Палама, творчество.*

Для духовно-неокрепшего сознания соблазн подмены смиренного восприятия барочной дивности смысловой иероглифики пижонским обнаружением вычурности стиля имеет место и часто угрожает, что подтверждается очевидным наличием таких ловушек: действительно, к примеру, рылеевский «гражданин сан» [4, с. 97] в чём-то подобен баскетбольному жрецу или сакральному потребителю...

Но бывает и совсем иначе – в России, в её метафизическом арсенале, есть и святой адмирал, и догматика культуры; в традиции нашей святости ликует богоподобная тварь, как и всегда имела место непостижимая «религиозная философия» (см.: Колос., 2 : 8 – 9), абсолютная метафизика с её символическими фигурами... Причём, все эти смыслы существенно взаимосвязаны и стратегически еди-

ны: ведь если культура мыслится надёжным кораблём в бурных и чреватых морях всепоглощающей бытийности – то лишь такой кормчий способен довести его к желанной цели, к незримым за горизонтами времени берегам вечной жизни, доступной уже здесь премудрому и благодарному восприятию призванной к богоподобию твари!

## I

В 2015 году мы отмечаем замечательную дату российской культурно-цивилизационной истории: 270 лет назад, 13 февраля 1745 года родился великий русский флотоводец, которому Россия обязана присоединением Крыма и блистательными победами православия в черноморско-средиземноморском бассейне над мусульманским и западным миром – святой воин адмирал Фёдор Фёдорович Ушаков (†1817), наш земляк, родившийся в небольшом селении на берегу Волги в её верхнем течении, недалеко от Рыбной Слободы, ныне – города Рыбинска.

Поразительным в его жизни, однако же, являются не столько сами его великие подвиги, которыми он явно прославлен, но те печальные обстоятельства, которые ему пришлось претерпеть уже при жизни, на склоне лет: мальтийский кавалер Павел Первый отзывает адмирала для командования юнгами и вскоре отправляет его в отставку; правительственная же массонерия России и западных государств практически нивелирует достигнутые результаты освобождения православных греков... Поднималась гностическая цивилизация, пришедшая ныне к своему закату.

## II

С именем отца Сергия Булгакова (1871–1944) связывают чаще всего ту неоправославную линию в истории русской мысли, которая получила название софиологии и была многократно осуждаема различными авторами за антропокосмический крен в ортодоксальном богословии: «Центральной проблемой софиологии, — писал сам Булгаков, — является вопрос об отношении Бога и мира, или — что по существу является тем же са-

мым — Бога и человека... В софийном миропонимании лежит будущее Христианства. Софиология содержит в себе узел всех теоретических и практических проблем современной христианской догматики и аскетики. В полном смысле слова она является богословием Кризиса (суда) — но в смысле спасения, а не гибели. И в конце мы обращаемся к потерявшей свою душу, обессиленной обмирщением и язычеством культуре, к нашей исторической трагедии, которая кажется безвыходной. Исход может быть найден через обновление нашей веры в софийный, богочеловеческий смысл истории и творчества» [2, с. 104, 107]. В работе «Догматическое обоснование культуры» (Париж, 1930 г.) отец Сергий указывал на космологические основания человеческой деятельности: «Бог сотворил человека как вершину мира, как существо космическое, а мир как бытие человеческое, т. е. человек космичен, а мир человекен»; «человек продолжает раскрытие Божественного замысла о мире» [1, с. 637]. Отмечая, что «человек призван быть сотворцом Бога» и «мир дан человеку проективно», Булгаков сожалеет о том, что «человек сделался пленником космоса из-за недолжного отношения к миру» [1, с. 638]. Культура выступает прежде всего как творческое отношение, обратное адаптивному. По Булгакову, человечеству «открываются два пути для осуществления творческих способностей человека: путь цивилизации и путь творчества (культуры). Цивилизация есть приспособление к условиям природной жизни. Культура — творческое отношение человека к миру и к самому себе... Ещё в Библии намечены эти два пути — путь рабства миру, путь Каина и каинитов, ковачей и изобретателей орудий, — и путь культуры — путь народа Божия» [1, с. 638 – 639]. В церковной традиции «мир означает космос, в котором человек есть космиург», а потому «христианская жизнь есть непрерывная борьба с миром, борьба за духовное существование» [1, с. 640].

«В христианстве, — отмечает Булгаков, — противопоставление культуры и цивилизации принимает особенно отчётливые

формы. Цивилизация в своём развитии могла бы овладеть человеком и разрушить его дух, т. е. превратить человека в допотопное существо (потомки кайнитов). Если бы большевики в России могли осуществить свой идеал цивилизации, они вернули бы человека в допотопные времена. Но ныне это уже невозможно: в мир вошёл свет христианства» [1, с. 641]. «Отношение культуры и цивилизации различно понимается в протестантизме, католичестве и православии» [1, с. 641]: «Протестантизм резко разделяет две области жизни... Морально протестант делает всё возможное, чтобы спасти культуру от цивилизации, но это ему не удаётся, и он остаётся во власти секуляризации» [1, с. 641]; «Католичество все вопросы жизни разрешает на основе иерархического подчинения клерикальной организации жизни. Культура и цивилизация находятся в отношении соподчинения. В католичестве церковная жизнь вдохновляет мирское творчество, и в этом его заслуга» [1, с. 641]; «Православный путь — путь свободы в смысле отсутствия подчинения церковного творчества определённым клерикально(иерархическим заданиям... Бытовое благочестие русского народа, выросшее веками, есть яркий образ победы культуры над цивилизацией. Проникновение в быт и освящение быта вообще свойственно православию» [1, с. 642].

Культура как очеловечивание мира — в этом видит Булгаков «последнее задание культуры»: «Задача культуры — дело богочеловечества, т. е. очеловечивание мира и обожение человека. В этом смысле задание культуры совершенно беспредельно», ибо «недостижимый предел культурного творчества есть Царство Божие» [1, с. 642].

Говоря о религиозных основах культуры, отец Сергей пишет: «Культь есть духовное средоточие культуры», а потому любое «”кое-как“ есть отречение от культуры в пользу цивилизации» — «всякое человеческое делание... проектируется как *ars*» [1, с. 643].

### III

Всемирно-известный православный патролог, профессор основанного отцом Сер-

гием Булгаковым Свято-Сергиевского Православного Богословского Института в Париже, духовник И. А. Бунина, архимандрит Киприан Керн (1899–1960) в своей докторской диссертации «Антропология Святителя Григория Паламы» (Париж, 1950 г.) проникновенно писал о метафизическом смысле культуры и одновременно о её трагедии. «В Господнем замысле о человеке дарована ему возможность, даже точнее, задание творить и создавать нечто новое. Человек должен осуществить этот божественный о нём замысел. Человек должен будет дать и ответ создавшему об осуществлении этого творческого дара. Страшный Суд поэтому будет и судом о том, как и насколько мы исполнили это своё задание, осуществили ли мы своё творческое назначение на земле. ”Добрый ответ на Страшном Судищи“ будет ответом на предвечный замысел Творца неба и земли быть и нам творцами на этой земле, чтобы получить свой удел в Небесном Царстве» [3, с. 369]; «Жизнь в области только природы, природное творчество, т. е. размножение естества человеческих особей всегда связано со смертью; давая грядущим поколениям жизнь, мы её отнимаем от прошедших; мы способствуем процессу отворачивания от отцов, от истории, от культурной традиции» [3, с. 370], — пишет Керн с явными реминисценциями из Н. Ф. Фёдорова.

«Но, — говорит он далее в духе Анри Бергсона, — творчество, исходящее из любви, движимое божественным Эросом, проявляется... и может быть заметнее всего... в области красоты и разума, которые вместе с Логосом сочетаются в преобразующем творческом порыве. Хаос зла, безначалья, неразумия и безобразности, силою творческой любви Логоса Божия преобразуются в Космос. «Космос» по-гречески, вспомним это, значит и «мир» и «красота». И человек призван в силу этого творить, т. е. из бездны хаоса и небытия создавать духовные и иные ценности» [3, с. 371]; «Образ Божий в человеке, искра божественного Эроса в нас ищет выхода из себя. По природе своей Эрос экстаичен. И эта платоновская концепция вошла по линии Ареопагитиков в мистику Православного Востока.

Жажда выхода из себя, наш Эрос ждёт идущий навстречу ему Эрос божественный, выходящий из себя же. Всё учение Псевдо-Дионисия о творении мира, как раскрытии божественного Эроса, является метафизическим обоснованием для творчества человека» [3, с. 372].

Именно «с вопросом творчества стоит в связи тема культуры, строительства жизни, участия христианина в созидаании истории мира» [3, с. 375]. Архимандрит Киприан говорит здесь о «творчестве как особом задании человеку»: «Человеку по самому существу его задано творить... дана заповедь "возделывать землю, из которой человек взят" (Бытие, 3 : 23)... Он творит с жаждою того, что плод его творчества избежит тления, но всею окружающею действительностью он убеждается в том, что всё, созданное человеком, гибнет и исчезает» [3, с. 376]. Таким образом ставится тема трагедии культуры и неизбежные вопросы: «Есть ли смысл творчества? Нужна ли культура? Совместимы ли они с наличием смерти, исторических и геологических катаклизмов, и с самой идеей последнего космического пожара, который уничтожит всё...» [3, с. 376].

Согласно интерпретации Керна именно свт. Григорий Палама «в творчестве человека увидел изволение Предвечного Совета Божия; предназначение человеку быть по образу Божию, быть творцом, быть соделателем Божиим, быть выше ангелов... Культура, "обработка" земли исходит не из греха Адама, а из вечного замысла о человеке» [3, с. 377]; и «не об уничтожении созданного учит Благая Весть Христова, а о преображении его» [3, с. 378]. Культура — есть первая заповедь о «хранении и возделывании сада», данная Господом Адаму в Раю; эта заповедь носит «творческий» характер, в отличие от заповеди упредительной, о «невкушении плодов с древа познания добра и зла»... Несмотря на новую ситуацию, возникшую после нарушения последней, первая заповедь не была отменена Господом, но остаётся человечеству в наследие: и как воспоминание о райском бытии, и как некое исходное призвание к попечитель-

ному отношению человека к дарованному участку Божьего мира... «Самый корень слова "культура", как и "культ", имеет в себе нечто религиозное, — подчёркивает архимандрит Киприан вослед Булгакову и Флоренскому, — есть что-то в каждом творчестве (мысль, наука, искусство), что в себе содержит семя вечности, свой "семенной логос", роднящий его с Первоисточником Премудрости, с Предвечным Логосом» [3, с. 379]. «Человек стремится к Богу, как к совершенной Красоте», участвуя в созидаании тварной красоты в мире, однако «Святая София, как и все памятники человечества, уничтожатся при последнем акте земной истории, но в каком-то преображённом виде её "genius", её логос не пропадут» [3, с. 380].

Керн указывает на «две опасности, подстерегающие испытующую мысль»: «1. соблазн оптимизма, переоценивание значения творчества... 2. соблазн пессимистического отношения, уничтожения культуры и гнущения ею во имя благочестия» — в итоге же он указывает, что «дано нам знать две истины: 1. мы созданы творцами и должны творить... 2. плоды нашего творчества уничтожатся вместе с этой планетой, но не пропадут, а преобразятся... Культуру надо религиозно осмысливать и церковно оправдывать, но нельзя смешивать этих планов» [3, с. 381]. Подчёркивая, что «нельзя отвергнуть самой заповеди творить», согласно автору, нам «остаётся во имя вечной Красоты принять это творчество как послушание»: «послушание творчества» выражается прежде всего в понимании того, что «от нас ожидается некая новая реальность внутри нас», реальность «нового неба и новой земли», «преображение себя так сказать "экзистенциально"» [3, с. 384]; но в этом заключительном пункте архимандрит Киприан покидает постулируемое им прежде логическое равновесие и восторженно восклицает: «Такое творчество не нуждается в религиозном обосновании, так как оно, выражаясь языком Бердяева, есть творчество "не оправдываемое, а оправдывающее" самое существование человека как богоподобной твари» [3, с. 385].

**Библиографический список:**

1. *Булгаков С. Н.* Догматическое обоснование культуры (речь о. С. Булгакова на съезде Лиги православной культуры 17 – 19 мая 1930 г.) // Булгаков С. Н. Соч.: В 2 т. М.: «Наука», 1993. Т. 2: Избранные статьи.
2. *Булгаков С. Н.* Центральная проблема софиологии // Русские философы (конец XIX – середина XX века): Антология. Вып. 1. М., 1993.
3. *Керн, Архимандрит Киприан.* Антропология святого Григория Паламы. Paris: YMCA-PRESS, 1950.
4. *Рылеев К. Ф.* Гражданин («Я ль буду в роковое время...») // Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений. Л.: «Советский писатель», 1971.

©Океанский В.П., Океанская Ж.Л., 2015